

Сергей Пагын

Родился в 1969 году. Живет в городе Единцы (Молдова). Филолог. Выпускник Бельцкого педагогического института. Автор шести книг стихотворений: «Обретения» (2002), «Прогулка в ноябре» (2005), «Сверчок в радиоприёмнике» (2008), «Перед снегом» (2012), «Просто жизнь» (2017), «Спасительный каштан» (2022). Финалист и дипломант Международного поэтического конкурса имени Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, 2012/2013). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

***

Лист пролетает по краешку взгляда...
Мне ничего уже, осень, не надо —
птиц голосащих твоих,
долгих дымов, уплывающих в небыль,
снов шелестящих и горького неба...
Я удивительно тих.

Я удивительно пуст и спокоен,
словно зимою бесснежную скроен,
иглами инея сшит.
Строгая даль
и бестрепетность сада.

Лист пролетает по краешку взгляда...
Как же он долго летит!

После уборки кукурузы

Мы с тобой присядем у мешков...
Так устал я — даже не до грусти.
Отдохнём от праведных трудов,
вечером по стопочке пропустим.

Вот уже темнеет высота,
и прохлада на дорогу сходит.
И во мне покой и пустота,
словно в поле кукурузном бродит

до сих пор печальная душа,
листьями иссохшими шурша.

***

Господи, среди каких ветров —
огненных, пронзающих, звенящих —
я латаю ненадёжный кров,
груши перекладываю в ящик.

И не знаю, что уже горю,
что на треть из воздуха и света...

Господи, Тебя благодарю
за незнание будничное это.

***

Куда скворцы запропастились,
в какие пропасти и дали?
Мы с летом уж давно простились,
а их почти что не видали.

Где их горляющая бездна,
слетевшая на виноградник?
С креста свисает бесполезно
над лозами дырявый ватник.

Ни одинокого звучанья
в глуши небесного тумана...

Как будто тянется молчанье
из Откровенья Иоанна.

***

Вчера был странный день — я ветки собирал,
сгребал листву,
смотрел на быстрых птиц мельканье...
И сад был так похож на призрачный вокзал,
наполнен золотой мелодией прощанья.

Гремел ли в небе гром, иль поезд грохотал,
и слышались гудков неясственные звуки...
Я знал, что никуда никто не уезжал.
Откуда же тогда солёный свет разлуки?!

***

Окно и стул...

А человек как не был.

Наверно, просто тихо вышел в небо
или во двор, пустынный и сквозной, —
забитые почистить водостоки
и узкие межзвёздные протоки,
земною занесённые листвой.

Окно и стул,

стоящий здесь от века.

И можно бы домыслить человека —
лицо, фигуру тёмную его,
и ожиданье воссоздать несложно.
И кажется, что всё ещё возможно...
Но невозможно больше ничего.

***

Воронью стаю в белом небе

как будто кто по кругу гонит.

Огонь свечи в печальном хлебе
так нежно тянется к ладони.

Потом глядишь на снег утешный —
ведь есть в том горькая отрада,
когда становится ушедший
бесшумным сердцем снегопада.

***

Проходит жизнь — остаётся свет,
в пыли сутулый сапог
и детский синий велосипед
в траве по ржавый звонок.

И небом веет в дверную щель,
и так тишина тонка,
что можно даже услышать трель
с дороги пустой звонка.

***

По опрокинутой воде
небесного пруда
скользит в осенней пустоте
неведомо куда

ворона тонкая одна...
В длину иль в ширину
невольно меряет она
над нами тишину.

Ни рыб медлительных там нет,
ни трав береговых.
И только свет, и только свет
для мёртвых и живых.

***

Я возвращался в мягкий прах
и в глину, и в траву
в других неявленных мирах,
а в этом я живу.

Быть может, там орал петух
из предрассветной тьмы,
но чуял мой предсмертный слух
вхожденье тишины.

Она стояла надо мной
как близкий человек,
как будто с крошечной свечой
родной огромный снег.

А в этом мире шум и зной,
и мнится — жизнь одна...
Но где-то рядом, за спиной,
тот снег и тишина.

***

Я лёг в траву, смотрю на муравьёв,
в себе тепло и тьму земли несущих.
Как горько пахнет будущий мой кров,
с любовью уготованный Всесущим!

Как тяжек гул грунтовых чёрных вод!
Но как светлы коленки трав, и слева,
на месте сердца, — только шум высот,
и нет земли — одно сплошное небо.

***

Где пела птица, там тебя уж нет,
где пляшут дети, там тебя не будет.
Порой зовут деревья, небо, люди,
ты отзовёшься — тишина в ответ,

и ничего, и никого кругом.
Как будто кто-то наложил заклятье —
запаздывать со словом и объятьем...
Прийти под вечер в опустевший дом,

забывший всех, кто в нём когда-то жил,
и всё же печку растопить лозою,
и тут почуять — всё и все с тобою,
никто и никуда не уходил.

***

Когда январь, и стужа с небосвода
бесшумно сходит на земную твердь,
такая надвигается свобода,
что и не важно — жить ли, умереть...

Дыши, дыши — на том и этом свете
всё те же воздух, почва, высота.
Есть дерево вишнёвое у смерти,
есть вешняя текущая вода.

И ляжешь в снег,
и в нём продышишь лунку,
его обнимешь широко, любя,
и сладкую почувствуешь ты муку —
а то трава проходит сквозь тебя.

***

Посветлела в озёрах вода,
к холодам даже стала моложе.
От морщинок и складок на коже
водяной не осталось следа.

Так стояла б, не двигаясь, век
с карасём в глубине серебристым,
словно с тайной, заветной и чистой —
той, которой и жив человек.

***

Рукавом, пропахшим весёлой влагой —
виноградной кровью, бурлящей тьмою,
вытираешь лоб, говоришь с собакой,
говоря на деле с самим собою.

Пусть вино побродит в дубовой бочке,
наберётся истины и мерцанья...
Каждый миг кончается многоточьем,
каждый звук кончается умираньем.

И теперь ты чувствуешь всё острее:
кислый вкус дымка от дворовой печи,
что горит, безлиственный воздух грея,
замиранье снов,
убыванье речи.

А начнут мести снеговые мётлы,
и графин наполнишь ты жизнью винной,
мы тогда оставим глоток для мёртвых
и немного музыки
неисполнимой...